

Вернер Зомбарт

Торгаши и герои

Введение. Война за веру

Все великие войны — это войны за веру. Таковыми они были в прошлом, являются в настоящем и останутся в будущем. Прежде они были таковыми и в сознании самих сражавшихся: боролся ли император Карл против саксов, отправлялись ли «франки» в поход за освобождением Гроба Господня, приходилось ли позже давать отпор турецкому натиску, отстаивали ли немецкие императоры свою власть против итальянских городов, сражались ли за господство протестанты с католиками в век Реформации, — участники войн всегда сознавали, что они бьются за свою веру, и мы, оглядываясь вспять и измеряя всемирно-историческое значение этих войн, понимаем, из сколь глубокого источника проистекали чувства и мысли сражавшихся. <...>

В эпоху национальных государств и капитализма глубокие противоречия, решаемые в ходе больших мировых войн, уже не лежат на поверхности. Кажется, что единственным причинами войн теперь являются властные стремления или экономические интересы. И они вполне могут, в самом деле, быть движущими стимулами. Но мы остались бы на поверхности событий, если бы не распознали за этими внешними, внятыми даже простому рассудку поводами современных войн, а в особенности той священной войны, какую ведет сегодня Германия против целого враждебного ей мира, более глубокие противоположности, которые враждуют одна с другой и, опять-таки, являются ничем иным, как религиозными противоположностями или, как выражаемся мы сегодня, противоположностями мировоззрений.

Совершенно понятно, что в ходе нынешней войны должно решиться много отдельных конфликтов. Это побочные войны, которые ведутся, например, между Россией и Турцией за обладание Дарданеллами, или между Францией и Германией за Эльзас-Лотарингию, или между Австро-Венгрией и Россией за господство на Балканах. Но не это является главной войной. Яснее всего это поняли наши противники, провозгласившие на весь мир: в состоянии войны находятся «западноевропейская цивилизация», «идеи 1789 года» — и немецкий «милитаризм», немецкое «варварство». В самом деле, этими словами интуитивно верно выговаривается глубочайшая из всех противоположностей. Я хотел бы лишь немного иначе сформулировать ее, сказав: в состоянии войны находятся *торговец* и *герой*, торгашеское и героическое мировоззрение, а значит, и культуры, порождаемые тем и другим. Почему я именно этими словами пытаюсь выразить чрезвычайно глубоко лежащую

противоположность в мировоззрении и переживании мира, должно объяснить нижеследующее рассмотрение.

<...> Носителями этих мировоззрений, выражающими их со всею четкостью, являются два народа — англичане и немцы. Только в качестве англо-немецкой войны мировая война 1914 года обретает свое глубокое всемирно-историческое значение. Для человечества важнее всего не вопрос о господстве на морях, который ныне должен решиться; для будущих человеческих судеб намного важнее другой вопрос: какой дух окажется сильнее — торгашеский или героический.

Оттого мы и должны наконец с полной ясностью осознать эту противоположность, охватывающую весь мир, все его пределы. Помочь в этом является заданием этой книги, в которой я сначала постараюсь просто описать английский дух, потом немецкий, чтобы вслед затем сравнить их и явить душе *немецкого* читателя — для другого я и не пишу — бесконечное превосходство немецкого духа, дабы он вновь возрадовался своему немецкому существу.

Элементы английского духа

На этих страницах нет возможности изображать историю возникновения английского духа, сколь бы любопытно ни было такое задание. Я только очень кратко попытаюсь показать те составные части, из которых слагается английский торговый дух, упомянув при этом, какие факторы в первую очередь способствовали его развитию.

Пожалуй, основание всего английского можно видеть в безмерной духовной ограниченности этого народа, в его неспособности хоть на волос возвыситься над уровнем осязаемой повседневной «действительности». Доказательством может служить то, что именуется в Англии «философией». Начиная с Френсиса Бэкона, деятельность которого, по точному замечанию Ницше, означала нападение на философский дух вообще, и вплоть до того человека, имя которого в Англии целый век было равнозначно со словом «философ», то есть до Герберта Спенсера.

Общая окраска английских философов, от Бэкона до Спенсера, на удивление однообразна. И если что-то является их характеристической отличительной чертой, так это одно примечательное обстоятельство, достойное упоминания во всякой истории философии: все они были действительно хорошими, а частью превосходными политэкономами: Бэкон с успехом писал о колониальном хозяйстве; Гоббс всегда говорит об экономических проблемах с выдающимся для его времени пониманием дела; трактат Локка о денежном

хозяйстве столь же известен, как сочинения Юма о торговле, деньгах, проценте с капитала, торговом балансе, налогах, общественном кредите и прочих подобных темах. Также Адам Смит, Иеремия Бентам, оба Милля высоко ценятся в Англии как философы, хоть нам они известны почти исключительно как политэкономы. А Герберт Спенсер, пусть не политэконом в прямом смысле слова, по преимуществу является социологом, хотя и считается самым влиятельным английским «философом» нашего времени.

<...> Другое свойство английского духа, чрезвычайно значимое для его развития в торговом направлении, — это устремленность английского мышления на практические цели. И эту черту мы тоже находим уже у «философа» времен Шекспира — Френсиса Бэкона, который именовал греческую философию «детской наукой» и «профессорским мудрствованием», потому что, дескать, она была плодovита на слова, но не богата реальными делами. Он подразумевал, что плоды открытий являются как бы залогом, ручающимся за истинность философии. «Истинная и праведная цель всякой науки... состоит в том, чтобы обогатить человеческую жизнь новыми изобретениями и средствами...» Так говорил Бэкон, основатель английской «философии». И в этом воззрении по сей день ничего не изменилось.

Этому трезвому образу мыслей соответствует также ярко выраженная склонность англичан к телесным удобствам, к материальному благополучию, «комфорту». Эту черту английского существа мы тоже можем проследить в давно протекших веках. Она уже в XVI веке бросалась в глаза путешественникам как отличительное свойство англичан. Венецианец, в XVI веке посетивший Англию и оставивший описание своего путешествия, повествует об англичанах: «...когда со всею яростью бушует война, они желают одного: хорошо поесть и насладиться прочими удобствами». <...>

Уже тогдашние наблюдатели говорили о том, что англичанам свойственно сильное желание наживы. Особенно любопытно, что эта черта бросилась в глаза даже венецианцу: «Они все алчут денег. Англичанам нельзя нанести такого урона или оскорбления, какого нельзя было бы поправить при помощи денег... Они так усердны в торговых предприятиях, что не брезгают даже ростовщичеством...» Заметим: итальянец пишет это в 1500 году, когда Англия еще была совершенно католической страной.

Исстари характерна для англичан также их спесь. В XVI веке это было не иначе, чем сегодня. «Если они замечают видного собою иностранца, то говорят: жалко, что он не англичанин», повествует Пауль Хенцлер в описании своего путешествия 1598 года. «Англичане чрезвычайно много мнят о себе и своих произведениях; они и допустить не могут, что существуют другие, иные люди, чем они сами, и что на свете вообще существует

еще что-нибудь кроме Англии», замечает уже знакомый нам венецианец в конце XV века.

Потребовалось только еще развитие капиталистической хозяйственной жизни, в особенности расцвет торговли в конце XVI века (в 1591 году первые английские корабли отправляются в Индию, а уже в 1600 году основывается Ост-Индийская компания), чтобы выстроить из названных элементов то всепроникающее торгашеское мировоззрение, которое в последние два века уже характеризует английское существо в целом.

Под торгашеским духом я понимаю такое мировоззрение, которое подходит к жизни с вопросом: что ты, жизнь, в состоянии мне дать? То есть это воззрение рассматривает все бытие единичного человека на земле как сумму торговых сделок, которые каждый заключает, на возможно выгодных условиях, с судьбой, с Богом (торговый дух способен подверстать под себя даже религии), с окружающими людьми по отдельности и с государством в целом. Выручка, которая должна достаться на долю каждого отдельного человеческого существа, — это возможно бóльшая степень благополучия и уюта, условием чего является соответствующий набор материальных благ, способных украсить существование. В рамках такого воззрения на жизнь большое место, естественно, должно принадлежать материальным ценностям. Поэтому та деятельность, которая заботится о том, чтобы доставить средства к благополучию (то есть хозяйственная и прежде всего торговая деятельность), оказывается в большой чести. Экономические интересы начинают преобладать и постепенно подчиняют себе все прочие сферы жизни. <...>

Эта абсолютизация коммерческих интересов — наряду с природной плоскостью и пошлостью английского духа (*common sense*) — привели к тому примечательному результату, что английский дух сегодня во всем народе приблизительно одинаков. Всякому постороннему наблюдателю сегодня бросается в глаза массовый характер, недифференцированность английской народной души. «Вожди» английского народа гордятся тем, что они чувствуют одинаково с *man-in-the-street*, а значит, больше не существует различий в инстинктах и мыслях между ними, стоящими выше всех, и кем-то стоящим всех ниже. И конечно, это состояние произошло не оттого, что низшие слои народа поднялись столь высоко. Я убежден, по своему духовному развитию они стоят гораздо ниже соответствующих социальных слоев Германии: английский рабочий, английский коммивояжер, английский предприниматель. Напротив, это вершины и холмы английского общества сносили так долго, что их уровень сравнялся с уровнем низин. <...>

Немецкий дух

<...> Немецкое мышление и восприятие мира выражается, в первую очередь, в

единодушном отвержении всего того, что хоть отдаленно напоминает английское и вообще западноевропейское мышление и восприятие. С глубочайшим отвращением, негодованием, возмущением восстал немецкий дух против «идей 18-го столетия», имевших английские истоки. Всякий немецкий мыслитель и просто всякий немец, думавший как немец, во все времена решительно отвергал утилитаризм, эвдемонизм, то есть всякую философию пользы, счастья, наслаждения. *В этом* объединялись, подобно враждующим братьям, Шопенгауэр и Гегель, Фихте и Ницше, классики и романтики, сторонники Потсдама и сторонники Веймара, старинные и новые немцы. <...>

Но что противопоставим мы этому идеалу торговцев? Существует ли нечто позитивное, что можно было бы обнаружить во всяком истинно немецком мировоззрении? Думаю, да. И если я хочу одной единственной фразой выразить это единое и общее, я напомним старинное изречение моряков, которое высечено на портале Дома Мореплавания в Бремене.^[1] Оно звучит: «*Navigare necesse, vivere non est*».^[2]

«Мы не обязательно должны жить, но если мы живем, то мы должны выполнять нашу треклятую обязанность и долг»; или: «человек должен свершать свое дело, пока он живет»; или: «благополучие человека ничего не значит — лишь бы он служил делу», — как ни переведи это изречение, смысл всегда получится один и тот же. И какого немца ни спроси о его образе мыслей, он ответит тем изречением, которое высечено на портале Дома Мореплавания в Бремене, — будь то обыкновенный человек, сегодня сражающийся в окопах за свободу Германии, или один из тех поэтов, что служат нам провозвестниками:

«Не обязательно, чтобы я жил; но я обязательно должен выполнять свой долг и сражаться за отечество, чтобы спасти его, если это еще возможно». (Фридрих М.)

«Постарайся исполнять свой долг, и сразу поймешь, каков ты. В чем же твой долг? В требовании сего дня».^[3] (Гете)

<...>

Конечно, были попытки утверждать: такое мировоззрение — порождение нашей спекулятивной философии, а «категорическому императиву долга» нас научил Кант. Но это, конечно, не так. <...> Было бы величайшей несправедливостью по отношению к Канту, было бы проявлением полной неспособности постигнуть дух его учения, если бы мы осмелились утверждать: он сформулировал определенные моральные принципы и проповедовал определенные законы воззрения на жизнь. Нет, подобно тому, как он всего лишь открыл, а не изобрел формы познания, он и моральный закон не создал самовластно, а всего лишь раскрыл нам его формы — указав притом на его сверхчувственное

происхождение. <...>

В немецком языке, и только в нем одном, этом «праязыке» (по Фихте), есть одно слово, в котором, на мой взгляд, сосредоточен весь смысл наших помыслов, нашей поэзии, наших стремлений. Это слово: «Aufgabe» (задание). Всей нашей жизнью мы выполняем задание — задание, которое распределяется на тысячи заданий дня. Жизнь является заданием, поскольку она нам задана [aufgegeben] вышестоящей силой. Но и мы, исчерпывая содержание нашей жизни, отдаем себя [geben uns auf] во всех наших трудах; и эта отдача [Aufgabe] нашего собственного Я приносит нам то единственное глубокое удовлетворение, какое только способна дать земная жизнь, приносит нам душевный мир, потому что таким образом мы достигаем единения с божественным. А быть врозь с божественным — величайшая для нас мука на свете.

Но самым изумительным свойством нашего немецкого образа мыслей является то, что мы осуществляем соединение с божеством уже здесь, на земле, и достигаем этого не путем умерщвления плоти и воли, а путем энергичных действий и созидания. То, что мы отдаем сами себя, ставя и выполняя все новые и новые задания, в процессе деятельной жизни, — именно это дает нашему миропониманию победоносную силу, делает его непобедимым на земле. А потому я называю его героическим. Читатель уже видит, к какой точке мы пришли: *быть немцем — значит быть героем*. Английскому торгашеству во всех областях духа и жизни мы противопоставляем идеал немецкого героизма.

Торгаш и герой — вот они, две великих противоположности, два полюса всякой людской ориентации на этом свете. Торгаш, как мы видели, подступает к жизни с вопросом: что ты, жизнь, в состоянии мне дать? Он хочет брать, хочет выменять для себя как можно больше, дав взамен как можно меньше, хочет заключить с жизнью выгодную сделку. А стало быть: он беден. Герой подступает к жизни с вопросом: что, жизнь, могу я тебе дать? Он хочет дарить, хочет расточать себя, жертвовать собою, не требуя воздаяния. А стало быть: он богат. Торгаш говорит только о «правах», герой — только об обязанностях, которые он имеет. И даже выполнив свой долг, он хочет отдавать себя снова и снова. <...>

Добродетели героя противоположны добродетелям торговца: все они позитивны, они несут жизнь, пробуждают ее, это «дарующие добродетели»: самопожертвование, верность, незлобивость, благоговение, благочестие, храбрость, умение повиноваться, доброта. Это воинские добродетели, добродетели, которые получают свое полное развитие на войне, благодаря войне, — подобно тому, как всякий героизм достигает истинной и полной высоты лишь на войне и благодаря войне. <...>

(пер. с нем. яз. и примеч. Г. Е. Потаповой)

Примечания

Переведено по изданию: Werner Sombart. *Händler und Helden: Patriotische Besinnungen*. München; Leipzig: Duncker & Humblot, 1915. S. 3–6, 9–16, 55–59, 63–65.

Вернер Зомбарт (1863–1941) — немецкий социолог и экономист; с 1890 г. профессор в Бреслау (Вроцлав), с 1906 — в Берлине; один из предшественников социально-политической теории национал-социализма. В книге «Торгаши и герои. Патриотические размышления» подробно разрабатывается восходящая еще к началу XIX века (эпоха немецкого романтизма и освободительных походов против Наполеона) мысль о противоположности немецкого национального типа англосаксонскому. В новом историческом контексте Первой мировой войны Зомбарт противопоставляет англичан (как по преимуществу коммерческую, капиталистическую нацию, ориентированную на чисто абстрактную ценность, «деньги», а также на индивидуальное благополучие индивида) и немцев — как «героическую культуру», основывающуюся на «идее государства» и «народной общности».

Книга Зомбарта посвящена «молодым героям на полях сражений». В предисловии автор пишет, что публикуемый труд — это его вклад в ту борьбу, которая совершается на фронте и продолжится потом, в дни будущего мира: война и тогда будет идти на умственном, духовном уровне (S. V–VI).

Книга включает в себя два основных раздела, один из которых озаглавлен «Английское торговашество» («Englisches Händlertum»), другой — «немецкое геройство» («Deutsches Heldentum»). Из них здесь с сокращениями переведены, соответственно, первые главы. Заключительный раздел книги посвящен «миссии немецкого народа» в мировой истории («Die Sendung des deutschen Volkes»); она состоит в том, чтобы избавить мир от зла посредством немецких духовных ценностей.

[1] «Дом Мореплавания» — один из первых в Европе общественных фондов, созданный в 1545 г. в Бремене для поддержания престарелых моряков и их вдов.

[2] Мореплавание необходимо, жизнь не необходима (*лат.*). Эта фраза, приписываемая Цицерону и первоначально мотивировавшая необходимость создания сильного римского флота, позже истолковывалась в смысле противопоставления насущно важного «общего дела» всем частным человеческим потребностям.

[3] Изречения из сборника И. В. Гете «Максимы и размышления», составленного и изданного после его смерти (цитируется в переводе Г. В. Снежинской).